

А.И.Сизоненко

Концептуальные подходы России к конфликтным ситуациям в Латинской Америке

В прошлом и настоящем

Статья посвящена рассмотрению конфликтов, возникавших на протяжении двух последних столетий как в самой Латинской Америке, так и в российско (советско)-латиноамериканских отношениях. Показана позиция России, а также шаги, предпринимавшиеся ею для разрешения подобных осложнений.

Ключевые слова: Россия, Латинская Америка, ООН, конфликты, подходы, позиции.

Конфликты... внутренние и межстрановые, дипломатические, территориальные, этнические, религиозные и т.д., и т.п. Они много веков не выходят из практики международных отношений, варьируются их формы и развитие, способы разрешения и распространения на все континенты и страны мира. Конфликтные ситуации давно стали предметом забот не только государственных деятелей, но и науки — конфликтологии. При этом подчеркнем, что забот, касающихся не только их прямых участников, но и в наш век универсализации мировой политики во многих случаях — сопредельных государств. В связи с этим, а также в связи с общим активным развитием в последние два десятилетия российско-латиноамериканских отношений будет небезынтесным проследить (не только на примере современного этапа, но и в исторической ретроспективе) эволюцию позиции России по отношению к конфликтным ситуациям в Латинской Америке (ЛА), а также российские подходы к разрешению тех конфликтов (правда, не столь уж частых), которые возникали непосредственно в рамках двусторонних отношений, в том числе дипломатических, между Российской империей, СССР, современной Российской Федерацией и странами ЛА.

Разговор в данном случае надо начать с первой половины XIX в., периода, предшествовавшего появлению на карте независимых латиноамери-

Александр Иванович Сизоненко — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН (alsizonenko@yandex.ru).

Адмирал Д.Н.Сенявин

канских государств. Хотя события того времени происходили далеко от границ империи и прямо не затрагивали ее интересов, они не оставались вне поля зрения российского государства. При этом следует подчеркнуть, что главной и характерной чертой еще только начинавшего формироваться латиноамериканского направления внешней политики России был принцип невмешательства во внутренние дела этого региона, что в известной мере явилось политической поддержкой народов, а затем и государств Америки. Причинами этого прежде всего были как европейские проблемы, заботившие империю в большей мере, так и нежелание осложнять отношения с рядом европейских государств, имевших владения в ЛА, особенно с Испанией. Так, в 1803 г. первая русская кругосветная экспедиция Ивана Федоровича Крузенштерна получила

предписание министра коммерции Николая Петровича Румянцева ни в коем случае не нарушать границ владений Испании на американском континенте, включая нынешнюю Мексику. Н.П.Румянцев учитывал крайне настороженное отношение испанских колониальных властей, внимательно следивших за все более частыми появлениями русских судов у берегов Северной Америки, особенно после создания Русско-Американской компании (1799 г.). Политика Румянцева позволила не только избежать конфликтов в этой части света, но и постепенно наладить с указанными властями торговое сотрудничество.

Другой важной инициативой того же сановника стало поручение, данное в 1811 г. послу России в США графу Федору Петровичу Палену (тогда Румянцев уже был министром иностранных дел России), при его встречах с представителями восставших испанских колоний обещать, что Россия признает их новый политический статус, не сопровождая, однако, эти обещания какими-либо реальными поставками (оружия и пр.).

Весьма умело российская сторона вышла из конфликтной ситуации, сложившейся между Португалией, Францией и Англией в 1807 г., когда русская эскадра под командованием адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина, возвращаясь на родину, остановилась в Лиссабоне. Во время пребывания эскадры в столице Португалии Франция и Англия попытались захватить португальский флот. Д.Н.Сенявин, исходя из дружеских отношений царского и португальского дворов, сумел обеспечить выход из бухты Лиссабона португальских судов, которые отплыли в Бразилию. В результате был сохранен не только флот Португалии, но и значительно поднят авторитет Российской империи в этой стране.

Еще более показательным стал дальнейший подход России к событиям, происходившим в Западном полушарии. После завоевания народами ряда стран Латинской Америки независимости испанская монархия предпринимала попытки получить от России помощь в борьбе с восставшими. И хотя это происходило внутри Священного Союза, империя не пошла на такое вмешательство. Тем самым колониальный конфликт остался в рамках отношений Испании с ее бывшими колониями, а Россия не стала виновницей возможного обострения отношений с латиноамериканскими странами. Позднее, в 30-е годы, российское правительство категорически не рекомендовало сотрудникам Русско-Американской компании вмешиваться в нараставший американско-мексиканский территориальный конфликт в Верхней Калифорнии.

Министр коммерции Н.П.Румянцев

Такой же линии придерживались и моряки русских кораблей, заходивших в те годы в порты латиноамериканских стран. Особенно показательный случай в этом плане произошел во время кратковременной стоянки в перуанском порту Кальяо в январе 1815 г. шлюпа «Суворов» под командованием Михаила Петровича Лазарева — впоследствии знаменитого русского флотоводца (Перу тогда еще оставалось испанской колонией). В один из дней на рейде появилась эскадра чилийских республиканцев. Моряки «Суворова» стали свидетелями артиллерийской дуэли между этой эскадрой и орудиями крепости Кальяо. Не желая ввязываться в конфликт и тем самым принимать сторону кого-либо из противников, М.П.Лазарев дал команду «Суворову» уйти в сторону.

Интересны суждения ряда российских дипломатов по проблемам конфликтных ситуаций в Латинской Америке. Так, посланник в Аргентине в 80-е годы Александр Семенович Ионин внимательно изучал проблему Мальвинских (Фолклендских) островов, которые тогда (как и сейчас) были предметом острых притязаний Аргентины и Великобритании. Он считал, что протесты Аргентины по поводу захвата Мальвин Англией «не так уж лишены смысла, как это может показаться на первый взгляд» и подчеркивал, что юридические права Англии на эти острова «слабы»¹.

Интересно, что Россия по рекомендации того же Ионина отказалась от предложения Аргентины сдать на очень выгодных условиях в аренду остров Эстадос (в атлантической части Магелланова пролива) ввиду угрозы вовлечения в постоянно тлеющий из-за Мальвин конфликт. Вообще дипломатический корпус Российской империи весьма осмотрительно относился к возможностям территориальных приобретений в Латинской Америке. Так, еще в 20—30-е годы XVIII в. Россия отказалась от такого рода

Министр юстиции Н.В.Муравьев

шагов по отношению к Бразилии, к захвату некоторых областей которой ее пытались подтолкнуть представители ряда колониальных держав Запада.

Интересный эпизод связан со строительством Панамского канала. В 1900 г. Россия получила предложение от одного из ведущих функционеров французской «Всеобщей компании Панамского межокеанского канала» («La Compagnie Universelle du canal interocéanique de Panamá») приобрести «на скромных условиях» участок земли при входе в канал со стороны либо Атлантического, либо Тихого океана для обеспечения «будущих интересов Российской империи». При всей внешней привлекательности этого предложения, особенно для морского министерства России, министерство

и иностранных дел предупредило моряков о том, что «дела Общества Панамского канала представляются в настоящее время далеко не ясными», поэтому «к этому предложению, под которым, быть может, скрывается лишь денежная спекуляция земельными участками, следует относиться с крайней осторожностью»².

Показательной была позиция российской стороны во время так называемого венесуэльского кризиса 1902—1903 гг., ставшего ярким показателем агрессивной политики Англии и Германии в отношении Венесуэлы, выразившейся в беспрецедентном требовании немедленной выплаты долгов этой южноамериканской страны под угрозой прямой интервенции. В создавшихся сложных условиях стороны обратились к Николаю II с просьбой взять на себя третейское судейство, с чем царь согласился. В качестве одного из арбитров он назначил российского министра юстиции Николая Валериановича Муравьева. Заметную роль в этом разбирательстве играл и посол России в США Артур Павлович Кассини. Для рассмотрения данной проблемы Россия смогла привлечь широкий круг дипломатов — представителей спорящих сторон, что в конечном итоге способствовало разрешению конфликта, рассеиванию, по выражению Кассини, «грозовых туч на американском политическом горизонте»³.

Не менее примечательным было участие России в 1907 г. в Гаагской конференции мира. Своим присутствием на ней страны Латинской Америки во многом были обязаны России, проявившей инициативу по их приглашению на это мероприятие. Среди многочисленных вопросов, обсуждавшихся в Гааге, было и предложение США о взыскании долгов с ряда государств. Согласно американскому предложению в таких случаях допускалась возможность вооруженной интервенции. Это предложение вызвало протесты многих делегатов от стран Латинской Америки. Наиболее четко общую позицию высказал министр иностранных дел Аргентины Луис Ма-

риа Драго, решительно поддерживав неприкосновенность суверенитета государств и осудив применение силы для взыскания долгов. При обсуждении позиции Драго, получившей название «доктрины Драго», российская делегация в целом поддержала аргентинского делегата. Позднее в числе ряда латиноамериканских участников конференции в Гааге Драго был награжден российским орденом Св. Станислава второй степени.

Таким образом, прослеживая российскую внешнеполитическую линию в отношении стран Латинской Америки до 1917 г., можно с полным основанием утверждать, что она характеризовалась политикой невмешательства в их внутренние дела, отсутствием каких-либо аннексионистских планов или поддержки агрессивных намерений других государств.

Естественно, возникает вопрос о причинах проведения подобной политической линии. На наш взгляд, это объяснялся целым рядом обстоятельств, в частности: нежеланием ввязываться в те или иные конфликты в крайне далекой от России Латинской Америке; стремлением не идти на поводу у тех или иных европейских держав (особенно Англии, Испании и США); сохранением свободы выбора в международных делах; занятостью России более близкими и насущными европейскими проблемами. Несомненно, что в этом, как и других внешнеполитических действиях, отражался и опыт российской дипломатии, одной из сильнейших в Европе. Такова была официальная линия государства. Но нельзя не сказать и о позиции российской общественности в отношении стран далекого континента. Напомним, что целая группа добровольцев из России еще в первой четверти XIX в. приняла активное участие в вооруженной борьбе народов Латинской Америки за свободу и независимость, а в конце того же столетия такие же добровольцы из России боролись в отрядах кубинских повстанцев против испанских колонизаторов. На стороне молодых государств неизменно выступала передовая русская общественность, особенно в лице Николая Гавриловича Чернышевского и его журнала «Современник», осуждавших французскую интервенцию в Мексику⁴.

Период, начавшийся в России после октября 1917 г., открыл принципиально новую страницу в отношениях теперь уже Советской России, а далее СССР, со странами Латинской Америки. При том, что официальные контакты в 20—30-е годы были весьма слабыми, проблема конфликтности в ряде случаев развивалась по трем направлениям: позиция СССР в отношении интервенционистской политики США в этом регионе; боливийско-парагвайского конфликта в 30-е годы и в связи с ухудшением двусторонних отношений между Советским Союзом и отдельными странами Латинской Америки. Исходя из принципиальной линии поддержки антиимпе-

Министр иностранных дел Аргентины
Луис Мариа Драго

реалистической борьбы, советская сторона не раз осуждала вмешательство США и Англии в дела Мексики во время происходившей в ней буржуазно-демократической революции 1917—1919 гг., их вмешательство уже в 20-е годы во внутреннюю политику этой страны. В целом ряде случаев это вмешательство Соединенных Штатов носило и откровенно антисоветский, провокационный характер, направленный на ухудшение советско-латиноамериканских отношений. Наиболее характерным в этом плане было заявление Госдепартамента США (январь 1927 г.) под тенденциозным заголовком «Цели и политика большевиков в Латинской Америке». Оно дало повод для официального ответа замнаркома иностранных дел Максима Максимовича Литвинова, в котором он четко заявил, что «у советского правительства нет и не может быть других отношений с Мексикой, кроме отношений лояльности и невмешательства». Тогда правящим кругам США не удалось добиться своих целей, не пошел у них на поводу и тогдашний президент Мексики Плутарко Элиас Кальес. Тем более, что до 1930 г. никаких конфликтов — ни политических, ни экономических — между Советским Союзом и Мексикой не возникало⁵. Как сообщала в те дни полпред СССР в Мексике Александра Михайловна Коллонтай, президент ценит установление прочных и дружеских связей с СССР⁶.

Характерно, что, спустя три года, Мексика под нажимом тех же США все же приостановила дипотношения с СССР, но всего через несколько лет (в 1934 г.) новый президент Ласаро Карденас предложил начать переговоры об их возобновлении, показав тем самым необоснованность разрыва.

Однако в тех случаях, когда интересы СССР грубо и бесцеремонно ущемлялись, власти страны реагировали оперативно. Так, после налета аргентинской полиции на помещение советского акционерного общества «Южамторг» в 1931 г. руководство общества незамедлительно прекратило его деятельность в Аргентине и перенесло в Уругвай. В результате этого конфликта ущерб, прежде всего, понесла его виновница — аргентинская сторона.

Не уходил в сторону Советский Союз и во время обсуждения в Лиге Наций в 30-х годах боливийско-парагвайского конфликта. Советская делегация занимала конструктивную позицию, направленную на мирное разрешение спора. Среди других мер СССР внес предложение установить срок для принятия рекомендаций с тем, чтобы предоставить обоим правительствам достаточно времени для принятия решений и проведения консультаций и помешать армиям использовать это время для проведения наступательных операций и дальнейших территориальных захватов. Это эмбарго должно было, по мнению советской стороны, носить строгий характер⁷. Глава советской делегации Литвинов, выступая в Лиге Наций, подчеркивал, что большое расстояние не должно умалять важность проблемы. «Решения, которые мы здесь примем, могут иметь весьма важные последствия в разбирательстве более серьезных конфликтов»⁸.

Новый период, наступивший в советско-латиноамериканских отношениях с началом Великой Отечественной войны и продолжавшийся в первые годы после ее окончания, дает основание более внимательно присмотреться к тем конфликтным ситуациям (хотя и немногим), которые тогда имели место. В основном на первом этапе после 1945 г. они были связаны с обстановкой холодной войны и приостановкой дипломатических отношений между СССР и рядом стран Латинской Америки.

Первый из этих разрывов — с Бразилией — произошел в октябре 1947 г. Повод для этого бразильскому правительству, выступавшему тогда с сугубо проамериканских позиций, дала статья в одной из советских газет, содержащая довольно резкую критику тогдашнего президента Бразилии Эурику Дутры. Протесты, последовавшие после этого с бразильской стороны и отказ советской стороны дезавуировать статью, дали повод властям Бразилии прекратить дипломатические отношения. На наш взгляд, подобная статья с критикой в адрес непосредственно главы государства, с которым поддерживались нормальные отношения и которое в годы только что закончившейся войны было союзником СССР, вряд ли была оправдана, тем более написанная в резкой форме.

Другие приостановки отношений — с Чили, Колумбией, Венесуэлой и Кубой — в 1947—1952 гг. не были спровоцированы советской стороной и происходили в духе холодной войны, в русле антисоветской политики, которую проводили в тот период правительства этих стран. В ряде случаев с латиноамериканской стороны выдвигались причины, не выдерживавшие серьезной критики. Так, доводом для оправдания прекращения отношений с СССР правительство Колумбии называло «большое расстояние, разделяющее две стороны, что затрудняет дипломатические отношения»⁹.

В конечном итоге все упомянутые связи после спада остроты холодной войны в 60-е годы были восстановлены, чем были сняты и те или иные причины двусторонних конфликтов. При этом Советский Союз, идя по пути восстановления отношений, не придерживался пассивной линии, а предпринимал различные усилия, в частности, проводил мероприятия обществ дружбы, осуществлял культурные контакты, торгово-экономические акции, организовывал посещения и выступления в соответствующих странах видных представителей советского общества. Аналогичные акции предпринимались и латиноамериканской стороной (поездка в СССР в 1959 г. будущего президента Бразилии Жаниу Куадроса). Подписание в 1957 г. советско-бразильского торгового соглашения свидетельствовало о желании обеих сторон нормализовать торговлю и, соответственно, отношения обеих между государствами.

Но проблемы во взаимоотношениях касались не только непосредственно связей СССР и стран Латинской Америки. Так, в послевоенные десятилетия Советский Союз не оставался в стороне от разного рода акций, направленных против независимости латиноамериканских государств. Резкое осуждение советской стороны, в том числе и в ООН, вызвало вмешательство США во внутренние дела и целостность Гватемалы, Гренады, Панамы, Никарагуа. Советская общественность также не раз выражала солидарность с борьбой этих стран.

По мере укрепления международных позиций СССР его морально-политическая помощь странам Латинской Америки стала подкрепляться и военно-экономической. Наглядным примером того явилась мощная поддержка Советским Союзом в 60-е годы революционного правительства Кубы, которая помогла снять угрозу вооруженной интервенции США. Уже в наше время (в 2000-е годы) Российская Федерация оказала содействие того же рода Венесуэле по ее просьбе в виде продажи оружия и другого военного снаряжения.

Впрочем, подобные примеры имели место и в отношении других государств ЛА. Так, в 1972 г. было подписано советско-перуанское соглашение о поставке в Перу советской военной техники, в том числе и танков. Как подчеркивал российский дипломат Виктор Александрович Ткаченко (в 90-е годы российский посол в Перу), советское вооружение «было только оборонительное, а с точки зрения количества — в пределах разумной достаточности, чтобы не нарушать баланс сил в Южной Америке»¹⁰. К тому времени перуанское руководство было обеспокоено ситуацией в Чили¹¹, где назревал военный переворот, который и произошел в сентябре 1973 г. Захватившая в результате этого путча власть чилийская военная верхушка была настроена весьма агрессивно и в отношении Перу. Однако, несомненно, советские военные поставки Перу по соглашению 1972 г. способствовали укреплению военного потенциала этой страны и обузданию воинственного пыла чилийской военщины, в результате чего территориального конфликта между Перу и Чили не произошло.

Во период Мальвинского кризиса в 1981 г. и в последующие годы Советский Союз был в числе активных сторонников мирного разрешения конфликта, призывая обе стороны сесть за стол переговоров и приложить максимум усилий к его преодолению. Эта позиция остается неизменной и для Российской Федерации.

Отношение Советского Союза к спорным ситуациям в Латинской Америке проявлялось по-разному, хотя некоторые из них были исключительно внутреннего характера. Так, например, во время военного переворота в Чили реакция на это событие выражалась не только в движении протеста советского народа и его солидарности с чилийской демократией, но и, в конечном итоге, в действиях правительства СССР, разорвавшего дипломатические отношения с режимом Аугусто Пиночета. Формальным предлогом для этого послужило преследование и нападения на советских граждан в Чили. Правда, возникает вопрос: являлся ли этот предлог достаточным для разрыва отношений, ведь переворот был чисто внутренним событием. Видимо, можно было найти более веские доводы для такого шага или выйти на другие санкции дипломатического и экономического характера.

Два с лишним десятилетия, прошедших после распада СССР и выхода на внешнеполитическую арену Российской Федерации, показали, что Москва, исходя из Концепции внешней политики РФ, продолжает твердо стоять на позициях сохранения стабильности и невмешательства, являясь активным сторонником мирного разрешения тех или иных межгосударственных конфликтов, при сохранении решающей роли ООН.

В данной статье рассмотрены лишь некоторые аспекты обширной проблематики различных конфликтов. И вместе с тем еще раз необходимо подчеркнуть близость подходов к этой проблеме российской и латиноамериканской сторон. Так было во время ливийских событий, когда Россия и Венесуэла осудили вооруженное вмешательство западных держав во внутренние дела этой африканской страны. Подобная ситуация сложилась и в связи с сирийским вопросом. Государства Латинской Америки активно выступают за мирное урегулирование конфликтов, объективно поддерживая тем самым политику России в этом направлении. Так, в июле 2013 г. на заседании Боливарианского альянса для народов нашей Америки (Alianza

Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA) страны-участники потребовали прекратить угрозы иностранного вооруженного вмешательства во внутренние дела Сирии, выступили в поддержку политического решения сирийского вопроса. Аналогичные позиции занимают и крупнейшие государства региона — Бразилия и Аргентина. Таким образом, Россия и страны Латинской Америки демонстрируют идентичные подходы к преодолению конфликтной ситуации в Сирии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А.С.И о н и н . По Южной Америке. СПб, 1893, т 3, с. 47.

² См.: В.В.Н о с к о в . Латинская Америка в планах русского флота «Под созвездиями Большой Медведицы и Южного Креста». СПб, 2009, с. 64.

³ Архив внешней политики России, 1903, д. 113, л. 39.

⁴ Подробно об этом см.: И.Я н ч у к . Общественное мнение России об иностранной интервенции в Мексику в 1861—1867 гг. — Россия — Мексика: 100 лет дипломатических отношений. М., 1990.

⁵ «Известия», 18.01.1927.

⁶ Документы внешней политики СССР, т. X. М., 1965, с. 24.

⁷ М.М.Л и т в и н о в . Внешняя политика СССР. Речи и заявления 1927—1937. М., 1937, с. 118.

⁸ Там же, с. 119.

⁹ СССР — Колумбия. Документы и материалы. М., 1988, с. 15.

¹⁰ В.А.Т к а ч е н к о . Россия — Перу: формирование отношений в переходный период. М., 1998, с. 96.

¹¹ Там же, с. 97.